

Глава 21

Радио «Свобода» и вокруг

Что представляла собой «Свобода»?

Кампания против «Свободы».

КГБ и «Свобода».

Увы, снова надо вернуться «обратно» — к прошлому, в которое я угодил на Западе, оказавшись на «Свободе». Станция эта была одним из главных центров эмигрантской жизни, и я отдал работе на ней ровно 20 лет. Кроме того, многих сейчас в России интересует правдивый рассказ о «Свободе» и ее история. Поэтому я должен посвятить этому предмету некоторое число страниц.

Отвечая на вопрос, что представляла собой «Свобода», я иногда полусхематично говорю, что порядки на «Свободе» были социалистическими (имея в виду госсоциализм), а эксплуатация — капиталистической! Нам часто приходилось работать по 10 и более часов в день.

Это прекрасный пример того, как мало значит идеология и как много — структура. РС, будучи формально частной, фактически является государственной организацией: финансируется Конгрессом из бюджета и не участвует ни в какой конкуренции с другими радиостанциями. В мое время почти не было и обратной связи с потребителями, которые находились за «железным занавесом». В итоге на РС господствовала типичная для госслужбы атмосфера незаинтересованности руководства и большинства сотрудников в качестве продукции, в эффективности радиостанции, в подборе квалифицированных кадров. Почти не было творческого обсуждения передач и обучения новых сотрудников, помощи опытных — новичкам. И было много интриганства, подсиживания, подхалимажа перед начальством.

К этому надо добавить, что творческий коллектив «Свободы» долгое время формировался из непрофессионалов. В старой, военной эмиграции журналистов не было, и в новой они появлялись не часто. И еще важно, что среди пишущих сотрудников станции было очень мало политэмигрантов. Два-три человека, включая автора этих строк. И как профессиональные журналисты, так и политэмигранты вызывали враждебное к себе отношение со стороны большей части сотрудников, многие из которых к тому же принадлежали к НТС и РНО («Русское национальное объединение»).

Между прочим, парадоксальным образом среди «экономических» эмигрантов, т.е. выехавших в эмиграцию ради лучшей жизни, было немало скрытых совпатриотов. Эти люди, поняв, что на Западе можно говорить что угодно, открыто превозносили советских вождей, советскую политику и поносили диссидентов и Запад. Выступая в течение многих лет у микрофонов «Свободы» с критикой советского режима и прославлением западных «демократических ценностей», они нисколько не страдали от своей раздвоенности и необходимости говорить в микрофон не то, что думали. При этом они всячески заискивали перед старыми эмигрантами — «антикоммунистами» из НТС РОН. Понять таких людей я, честно говоря, не в состоянии.

Обрисую организационную структуру Радио «Свобода». В 1974 году, когда я пришел на станцию, она функционировала как отдельная организация. Примерно через год-два в целях

экономии ее объединили с Радио «Свободная Европа» (РСЕ). И после этого иерархия руководства стала выглядеть следующим образом.

Высший руководящий орган — Совет международного радиовещания (ВІВ). Он состоит из десяти человек: шесть — из партии президента, четыре — от оппозиции. Этот Совет возглавляет председатель, назначаемый лично президентом США. Штаб-квартира Совета в Вашингтоне. Председатель Совета назначает президента обеих радиостанций (его офис уже в Мюнхене), который подбирает себе вице-президента и назначает директоров РС и РСЕ. РС состоит из редакций, вещающих на союзные республики СССР (сейчас — на государства СНГ). РСЕ — из редакций, вещающих на страны соцлагеря, исключая Югославию, которая во времена Тито была в особой дружбе с США. «Свобода» до Рейгана имела 15 редакций, включая редакции прибалтийских республик, а в его время эти три редакции были демонстративно переведены в «Свободную Европу», чтобы подчеркнуть, что США не признают присоединения этих республик к Советскому Союзу. Директорами национальных редакций до перестроечных времен были американцы, а главными редакторами — эмигранты.

Структура, как видим, очень громоздкая, бюрократическая. В Мюнхене аппарат руководства занимал примерно половину здания, а в остальной половине размещались все редакции РС и РСЕ! Зарплаты высших чиновников вместе с квартирными деньгами и оплатой половины стоимости страхования (пенсионного, медицинского, от безработицы) почти равнялись зарплате сенаторов!

За время работы на «Свободе» я повидал множество американских чиновников из самых разных слоев общества — бывших конгрессменов и дипломатов, отставных военных, журналистов, научных работников, — и все они были схожи в беспрекословном подчинении вышестоящему начальству. Какие бы решения оно ни принимало — умные или несправедливые, глупые или жестокие, — все чиновники исполняли эти решения безукоснительно. Среди них у меня были хорошие приятели, но когда их шефы выступали против меня, они безо всяких маневров и экивоков с усердием выполняли их волю. В советских редакциях, в которых я работал, среди начальства не было подобной монолитности. Почти везде в руководстве находились два-три человека, отличавшиеся некоторой оппозиционностью к высшему начальству, а то и к строю, которые пытались тебе как-то помочь, если ты оказывался объектом гонений.

На эту тему у меня однажды состоялся откровенный разговор с Джоном Лодизиным. Я сказал ему, что, на мой взгляд, американское чиновничество представляет собой сообщество, готовое к тоталитаризму. Стоит наверху появиться «вождю», «фюреру», и у него в руках окажется отлаженный механизм для диктатуры. Да, согласился Лодизин, ты прав отчасти, но вот только «фюрера»-то у нас никогда не было и не будет! Потому что кроме чиновничества у нас есть много других слоев, столь же боевых, столь же сплоченных и совершенно не зависимых от власти, от государства. И они берегут эту свою независимость и никогда не допустят тоталитаризации государства. Лодизин привел мне в пример историю с отстранением президента Никсона и сенатора Маккарти.

Но продолжу тему. Американских чиновников отличает также большая жесткость, переходящая порой в жестокость. Тот же Лодизин как-то познакомил меня с жаргоном американских чиновников, и оказалось, что он был близок к жаргону американских гангстеров! И когда меня однажды очень достали станционные начальнички, я даже сочинил «шуточку»: «Поскреби американского чиновника, найдешь гангстера!».

Авторитарность многих американских чиновников очень интересно объяснил мне один высокопоставленный американский журналист. Америка лишь в 60-х годах XIX века (тогда же, когда и Россия!) избавилась от рабства в южных штатах. Срок относительно небольшой, чтобы изжить рабовладельческие традиции и психологию. И сейчас южане, бывшие рабовладельцы, лучше всего чувствуют себя на государ-ственной службе и в армии и привносят туда авторитарную традицию. А демократическая традиция идет с Севера, и ее приверженцы находят себе место, как правило, в науке, бизнесе, массмедиа и т. д. Концепция эта представляется мне весьма убедительной. Большинство менеджеров на РСЕ/РС рекрутировалось из государ-ственных чиновников или военных.

Но должен отметить, что откуда бы ни происходили чиновники, возглавлявшие радиостанцию, они в нескольких существенных пунктах решительно отличались от своих российско-советских коллег. Как правило, они не лгали, не воровали, не пьянствовали и были приучены к плюрализму, что для меня было важнее всего. Отсутствие цензуры, возможность говорить все, что я считал нужным, в значительной мере примирило меня со многими негативными сторонами обстановки на «Свободе».

Кроме того, американские чиновники были приучены и к современным методам руководства: оставляли большую свободу действий для подчиненных, не лезли во все дыры. Была в этом, правда, и своя негативная сторона. Представители старой, «черно-коричневой» эмиграции, достигая редакторских постов, использовали эту свободу для засорения эфира соответствующей продукцией.

И это не мешало им и их союзникам из новой эмиграции постоянно кричать о засилье цензуры на РС! Но никакой цензуры, конечно, не было. Существовало лишь «Политическое руководство», в котором содержались совершенно разумные требования к работникам станции: не заниматься подстрекательством к вооруженной борьбе с советскими властями, не разжигать национальной, расовой или религиозной ненависти, не оскорблять руководителей любых стран, не вмешиваться во внутренние дела государств, на территории которых работают РСЕ/РС, и не передавать информацию, не подтвержденную по крайней мере двумя заслуживающими доверия источниками. И все! И пока американцы стояли во главе редакции, я никогда не сталкивался ни с цензурой, ни с указаниями, что и как мне надо передавать. Цензура появилась лишь во времена Горбачева—Ельцина, когда все руководство русской службой было передано российским эмигрантам. После прекращения холодной войны американцы, видимо, посчитали, что русскую редакцию можно отдать в руки эмигрантов, которые лучше-де разбираются в российских делах.

Эмигрантские руководители в нашей редакции в соответствии со своей советской природой стали, конечно, усердствовать в проведении линии «партии и правительства», то бишь Белого дома, стали резать или совсем не допускать к передаче материалы с критикой политики Горбачева и особенно — Ельцина. Думаю, что если бы директорами русской редакции оставались американцы, цензуры не было бы или она была бы мягче. В США политику поддержки Ельцина критиковали и в Конгрессе, и в массмедиа, с какой стати американские менеджеры начали бы зажимать такую критику на «Свободе»? Она только вызывала бы доверие к радиостанции. Но бывшие российские люди этого не понимали, а если и понимали умом, то душа все равно требовала усердие выказать!

Но вернусь в 70–80-е годы. Тогда самым тяжелым обстоятельством в жизни станции были почти непрерывные атаки черно-коричневых на руководство РС извне и изнутри. И было подчас непонятно, чего атакующие хотят: полностью подчинить себе радио или — его разрушить?

Войну с руководством «Свободы» начал НТС, примерно в 75-м году, после появления на Западе его великого союзника Солженицына. Ключевым для НТС по отношению к «Свободе» (и одновременно к демократическому правозащитному движению в Советском Союзе) можно считать высказывание одного из его руководителей Романа Редлиха в статье, написанной им «по поручению руководящего Совета НТС»: «Боюсь, — писал тогда Редлих, — что патриоты России не смогут считать радио «Свобода» своим, как считало его демократическое движение».¹(Значит, демократическое движение не состоит из патриотов!) В том же номере «Посева» была опубликована подборка писем слушателей «Свободы», которые, похоже, писались под копирку. В них утверждалось, что из передач русской редакции исчезает «русский дух». Кроме дежурного возмущения по этому поводу в письмах поднимался и «коренной» вопрос «патриотов»: «Почему Радио Свобода не ведет передач для России и русского народа, а лишь для советских людей? ...И если существующая русская редакция действительно должна вести передачи лишь для советских людей (на русском языке), то, может быть, целесообразно создать наряду с другими национальными редакциями и русскую национальную редакцию?» — спрашивал автор одного из писем. Во многих письмах содержались открытые антисемитские выпады в адрес РС и его сотрудников.

Особо ожесточенным атакам подвергался отдел новостей русской редакции. Дело в том, что раньше, еще до моего прихода на «Свободу», отдел этот работал самостоятельно, и сотрудники отдела, русские эмигранты военной волны, сами составляли выпуски новостей. Новости часто были недостоверными и грубо пропагандистскими. После серии скандалов на этой почве американская администрация провела решительную реформу: составлением новостей (на основании сообщений информационных агентств и корреспондентов западных газет из Советского Союза) стали заниматься специально нанятые американские и английские «нюсрайтеры», а эмигрантские сотрудники лишь переводили их на русский язык и при необходимости добавляли пояснения. В результате качество и достоверность новостей стали соответствовать западным стандартам.

На эту новую систему пошли яростные атаки из эмиграции. Писалось, что новости кастрируются американской цензурой, что они не интересны русской аудитории, пропитаны русофобией и т. п. Лидеры эмиграции требовали возвращения к старому порядку и к освобождению станции от сионистов.

Александр Галич, уже начавший тогда работать на «Свободе» в Мюнхене, говорил мне, что он упрашивал руководителей НТС не публиковать антисемитские письма и они якобы обещали последовать его совету.

Несколько слов о Галиче. С первых дней приезда на Запад он присоединился к «команде» Максимова, вступил в НТС и стал послушным исполнителем всех их поручений и их политики. В том числе и на «Свободе».

К примеру, где-то в конце 75-го года я в соавторстве с проживавшим в Мюнхене чешским эмигрантом Иржи Сламой (в 1968 году он был референтом Дубчека) написал статью «Что вы-

¹Посев.1975.№11

ползает «из-под глыб» по поводу кампании Максимова и НТС против «Свободы». Об этом письме Максиму, видимо, стало известно еще до публикации, и Галич на станции вдруг конфиденциально, в своей доброй, интеллигентной манере сказал моей жене, что меня ждут очень большие неприятности на работе, если я не угомонюсь. И наоборот — всяческие приятности и повышения, если успокоюсь, и в частности... не пошло в прессу статью, написанную вместе со Сламой! Говоря словами поэта Галича: «Промолчи — попадешь в первачи!». Разумеется, я не последовал его «мудрому и доброму совету».

Пусть только у читателя не складывается впечатление, что я очень много проявлял «непокойства». Все мои выступления по поводу дел на «Свободе» за 20 лет работы можно сосчитать по пальцам одной руки. Во внутренних сварих и интригах я вообще не участвовал.

Что касается Галича, то любопытен еще один эпизод, уже вне политики. Галич пользовался успехом у многих дам на РС, и однажды муж одной из его поклонниц, эмигрант, сам на станции не работавший, пришел к директору «Свободы» Френсису Рональдсу и начал обвинять его в том, что он допускает разврат во вверенном ему учреждении, имея в виду поведение Галича, соблазняющего его жену. Он потребовал от Рональдса призвать Галича к порядку. Если же это его законное требование будет проигнорировано, он — внимание! — обратится с жалобой к Солженицыну!

Рони, как его звали американцы, стало плохо. Он велел секретарше вызвать «секьюрити» (охранника) и удалить «этого джентльмена». Лодизин очень веселился по этому поводу и поздравлял Рональдса с боевым крещением, с полученной им возможностью побывать в Советском Союзе, не выходя из своего бюро.

Неожиданно для всех в кампанию против руководства русской редакции и РС включился Солженицын. Он написал письмо Джорджу Мини, шефу профсоюзов АФТ-КПП, который ранее торжественно принимал его в штаб-квартире профобъединения, а копию послал руководству станции. В письме Солженицын писал, что в России люди перестают слушать «Свободу», так как в ее передачах мало «пищи духовной для русских людей», и руководство РС «совершает тяжелую ошибку, принимая на работу профессиональных советских журналистов из новой эмиграции, привносящих на станцию советский и анти-русский дух». В Мюнхене под эту категорию тогда подпадал только я. На станции говорили, что к письму было и приложение, специально для начальства РС, в котором прямо упоминалось мое имя. (Это было уже после моей критики «Письма вождям» в «Новом русском слове».)

Вскоре последовала и открытая атака против меня, на этот раз со стороны Максимова. В «Континенте» появились «Записки радиослушателя» некоего Виктора Соколова, никому доселе не известного человека. И там был такой пассаж:

«Здесь уместно будет высказать один упрек редакции радио «Свобода»: создается у слушателей впечатление, что все более на второй план отступает в программах радиостанции собственно русская тематика.

Напрасно также «Свобода» испытывает терпение своего слушателя передачами откровенно марксистского толка, идущими обычно под рубрикой «По Советскому Союзу» или «Проблемы труда и демократии», которые за последнее время заметно участились. Подобная пропаганда транслируется различного рода коммунистическими радиостанциями из Пекина, Белграда, Тираны и других столиц почти 24 часа в сутки, и едва ли «Свободе» нужно стремиться тоже пожать лавры на этом сомнительном поприще, тем более, что ее мате-

риалы на вышеуказанную тему подаются, как правило, на крайне убогом и непрофессиональном уровне»¹.

Это были мои программы! Мое имя уже тогда по какому-то негласному распоряжению или соглашению в русской эмигрантской политической прессе упоминать перестали, чтобы не создавать недостойному человеку известности. Пассаж этот был явно вписан самим Максимовым. Выдает его любимая им фраза насчет «крайне убогого и непрофессионального уровня», которой он непременно гвоздил всех не угодных ему людей.

Что же касается автора материала, В. Соколова, то в сноске было сказано, что он «в 1976 году выехал в США и вскоре был лишен советского подданства за активное участие в русской эмигрантской прессе». Это была чистейшая «легенда». Никакой Соколов в эмигрантской прессе не фигурировал, да и вообще никогда и никого за это не лишали советского гражданства. И Соколов этот так хорошо был осведомлен обо всех передачах не только «Свободы», но и Би-би-си и «Голоса Америки», словно он 24 часа в сутки сидел возле радиоприемника. Короче говоря, это был, скорее всего, «засланец» из КГБ. В последующие годы автор с такой фамилией нигде не объявлялся!

Позже в «Континенте» (1981, № 29) еще один никому не известный публицист, Сергей Сабур, выступил с разносной критикой русской редакции. Атаку он вел против американской администрации, особенно против Джона Лодизина и его «ставленников», и против губительной цензуры на РС. Автор призывал высшую администрацию РСЕ/РС «отделаться» от вредоносных сотрудников из новой эмиграции. «Несмотря на юридические сложности, создаваемые германскими законами о труде, мыслимо и это, — наставлял автор, — особенно по отношению к людям, имеющим или получившим американское гражданство». (Я относился к числу этих «людей»)

Я уже и тогда заподозрил, что «Сабур», как и «Соколов», был скорее всего фантомом с Лубянки. Имя его, как и Соколова, в эмигрантской прессе больше никогда не появлялось. Но, боясь впасть в агентоманию, я не стал думать о том, как и откуда мог Максимов получать статьи этих авторов и как мог он их печатать.

Как и многие на станции, я не обращал особого внимания на эту кампанию, но в один прекрасный день было объявлено об устранении Джона Лодизина с поста начальника русской службы. Вместе с ним убрали с редакторских постов и новых эмигрантов. Их заменили людьми «русского духа», в основном из числа членов НТС. Лодизин был переведен куда-то в глубь аппарата. Больше уже во главе русской редакции начальника такого уровня не появлялось. Но русская эмиграция еще долго продолжала склонять ненавистное ей имя «руссофоба Лодизина», требуя совсем изгнать его со «Свободы».

Устояла лишь служба новостей. Здесь американцы ничего не изменили.

Для сотрудников из новых эмигрантов этот переворот явился потрясением: все думали, что американцы не поддадутся давлению национал-патриотов. Но, наверное, авторитет Солженицына, который тогда еще был высок на Западе, сыграл тут свою решающую роль.

В результате той победы поборников «русского духа» на «Свободу» был принят член Руководящего круга НТС (так там официально назывался руководящий орган) Глеб Рар. Рар привел с собой и двух своих сыновей, также членов НТС, старший из которых, Александр, не-

¹Континент. Париж, №12.С.279

давно стал другом нашего президента, после того как выпустил в Германии книгу «Немец в Кремле». На «Свободе» Рар начал вести патриотические и религиозные программы (радиожурналы), его старший сын пошел служить в исследовательский отдел, а младший — в производственный. Разумеется, все Рары были обжигающе горячими русскими патриотами.

После той победы нац-патриотов еще труднее и мне стало работать на «Свободе». Только я заканчиваю начитывать свой «скрипт» в студии, уже бегут мои сослуживцы к начальству: «Белоцерковский опять капитализм критикует!» «Ленина прославляет!» «Солженицына поносит!» Подкидывались и письменные доносы. Мои друзья среди американцев не раз мне их показывали.

Но должен сказать, что больше всего мне досаждали не старые эмигранты, не нац-патриоты, а ряд новых эмигрантов, относительно квалифицированных и занимавших (до переворота) редакторские посты. Причем все они были евреями! Амбициозные и высокомерные, они тяжело переносили («как личное оскорбление») мои успехи вне радио — то, что у меня есть идеи, публикуются книги, статьи, то, что я сотрудничаю и дружу с видными людьми. В оправдание(!) некоторым из них, скажу, что они были еще и бывшими(?) агентами КГБ. Когда «патриотов» в последствие «свергли», иные из этих моих друзей вернулись на командные высоты, и продолжали меня травить!

Возможен вопрос, почему я не занимал командных постов на радио? Потому, очевидно, что против меня воевали и старые эмигранты, и новые! И американцы не могли с этим не считаться.

После победы «патриотов» началась следующая стадия. В эфире РС стали множиться агрессивные националистические передачи. Эксперты при ВІВ, периодически изучающие передачи «Свободы», заметили этот сдвиг и подняли тревогу. В результате на РС произошла новая смена руководства. Национал-патриотов отодвинули от редакторских постов, в том числе и Глеба Рара.

Но перетягивание каната между «демократами» и «патриотами» продолжалось. В «Континенте» начали печататься разгромные материалы о «Свободе».

Одним из центральных событий этой новой кампании в борьбе за «Свободу» можно, наверное, считать открытое письмо президенту Картеру Максимова, Буковского и Кузнецова, опубликованное в американской прессе и в 25 номере «Континента» за 1980 год незадолго до выборов в США, когда Картер вел борьбу с Рейганом за переизбрание на второй срок. Авторы письма утверждали, что с приходом в Белый дом Картера «положение на радиостанции по сравнению с предыдущим периодом еще более ухудшилось. Качество программ резко снизилось в связи с тем, что по принципиальным мотивам с нею отказался сотрудничать целый ряд наиболее квалифицированных и репрезентативных представителей советского правозащитного движения и культуры: Солженицын, Бродский, Чалидзе, Литвинов, большинство подписавших это письмо и еще многие.

...Абсолютно безответственная кадровая политика привела к тому, что факты шпионажа на станции стали обыденным явлением. Только за последние пять лет здесь имели место несколько случаев разоблачения советских и восточноевропейских агентов. Оглядываясь назад, позволительно спросить: а сколько еще осталось неразоблаченных?

Политическая цензура на станции сделалась правилом. ...В результате, даже по официальной статистике исследовательской службы «Свободы», число ее слушателей за последние несколько лет сократилось почти вдвое».

Все утверждения этого письма были полнейшей ложью. В частности, с момента моего поступления на РС (ноябрь 1973) и до момента опубликования этого письма не было ни одного случая разоблачения каких-либо агентов. И таких случаев вообще никогда не было! Ни до, ни после. За все годы было три случая бегства сотрудников РСЕ/РС в соцлагерь, которые там обставлялись как возвращение агентов, выполнивших задание. В русской редакции ко времени появления обсуждаемого письма был только один такой случай, имевший место еще в 1973 году, т. е. задолго до Картера. Никаких «фактов шпионажа» также никогда не было и быть не могло по той простой причине, что на радиостанции не имелось ничего секретного. Именно поэтому американцы спокойно направляли многих перебежчиков из КГБ работать на РСЕ/РС. В Ленгли или Пентагон они их не направляли! У нас в редакции работало пять-шесть таких перебежчиков.

Обсуждаемое письмо было направлено не только на дестабилизацию русской редакции РС, но и на дискредитацию Картера накануне выборов. А ведь Картер был самым близким для российских правозащитников президентом, так как положил в основу своей политики повсеместную защиту прав человека!

Предвижу вопрос, как могли авторы письма построить его на обложной лжи? Так вот — смогли! Это яркий случай концентрированного проявления нравственной невменяемости и безответственности, характерных для значительной части российско-советского общества. Разоблачения своей лжи авторы цинично не боялись. Помощникам Картера перед выборами было не до них, а помощники его конкурента тем паче не стали бы заниматься проверкой эмигрантского письма, направленного им в поддержку.

В декабре 1981 года к кампании против РС подключились и террористы из КГБ — группа знаменитого Санчеса Ильича Рамиреса, организовавшая мощнейший взрыв на станции. Группа приехала из Будапешта, взорвала бомбу и уехала обратно. Венгерские власти после крушения советской империи опубликовали документы о проведении этого теракта. Заряд был подложен к стене чехословацкого корпуса (с внешней стороны), метрах в пятнадцати от нашего корпуса. Взрыв произошел в субботу вечером, и меня не было в бюро. Дверь я оставил запертой, но силой взрывной волны дверь вырвало в коридор вместе с дверной рамой! Осколками стекла были иссечены и пересыпаны все бумаги и книги. Сотрудники отдела новостей (его помещение выходило на другую сторону здания) решили было, что произошло землетрясение: пол заколебался в помещении. Пострадало шестеро служащих чехословацкой редакции, работавших в тот вечер. Двое из них — очень тяжело. В числе этих двоих была женщина, у которой почти снесло лицо, и она потеряла глаза. Во всех окрестных домах выбило стекла в окнах. Некоторых жителей ранило осколками. Расчет заказчиков взрыва с Лубянки состоял, как я понимаю, в том, чтобы у нас было мало пострадавших, дабы не вызывать сочувствия, а немцев — хорошенько напугать. В Москве надеялись, что немцы начнут требовать убрать из Германии «это гнездо холодной войны». Генерал КГБ Олег Калугин, руководивший в 70-е годы борьбой с «вражескими голосами» и в перестройку порвавший с КГБ, выступая в Мюнхене на «Свободе», подтвердил эту версию. Но немцы не дрогнули, протестов не последовало. Было лишь возмущение террористической деятельностью Кремля и КГБ.

Время взрыва — декабрь 81-го — было выбрано не случайно. В декабре под давлением Москвы в Польше был введен военный режим для разгона «Солидарности» — событие, потрясшее весь цивилизованный мир (на «Свободе» больше всего о «Солидарности» говорилось в моих

программах!), да еще затягивалась война в Афганистане. То есть ситуация была очень тяжелая для советских властей, и радиопередачи «Свободы» были им тогда особенно не к месту.

В 82-м году я написал письмо-обращение к ряду политэмигрантов, которых считал заинтересованными в помощи демократическому движению в России. Я не помню всех адресатов, но среди них были Павел Литвинов, Людмила Алексеева, Кронид Любарский, Андрей Синявский. В этом письме я собрал выдержки из наиболее одиозных выступлений «Континента» по поводу «засилья на «Свободе» агентов КГБ» и в конце писал:

«Думаю, если бы на месте Максимова находился советский агент, то он не смог бы найти лучшего способа дискредитировать РС в глазах советских слушателей. Кому интересно слушать дезинформацию, производимую агентами КГБ, засевавшими на «Свободе», как то утверждается в «Континенте»?

В редколлегии «Континента» стоят имена Сахарова, Сол Беллоу, Джиласа, Ионеску, Михайло Михайлова и ряда других известных и уважаемых в СССР людей. «Континент» проходит в СССР относительно легко и попадает там главным образом в среду наших слушателей. При этом журнала, противостоящего «Континенту», в русской эмиграции до сих пор не существует.

В результате эффективность «службы дискредитации» «Континента» чрезвычайно велика, несравненно сильнее радиоглушения и официальной советской контрпропаганды.

Настало время, наверное, обратить внимание на эту проблему. К чему я Вас и призываю». (Письмо датировано 28.10.82.)

Никакой реакции это письмо не вызвало.

Очень скоро после этого в кампанию против русской редакции «Свободы» вновь включился Солженицын и кое-что прояснил. Сначала он выступил со статьей «Иметь мужество видеть» («Фориджен аффэрс», июль 1980), в которой заявил, что «русская секция радиостанции «Свобода» из-за своей принципиальной чужести и даже враждебности русскому национальному сознанию катастрофически утерала контакт с русским населением и русскими интересами».

Затем он дал интервью американскому конгрессмену и сказал очень интересные вещи. Солженицын заявил, что на «Свободе» введена предварительная цензура, причем «только исключительно русских ведущих передач».

«Ваши радиопередачи, — сказал он далее, — все 30 лет направлены на то, сознательно направлены, планомерно, чтобы не дать русскому православию подняться и стать организующей силой в России...

Если бы американские руководители понимали правильно, как вести радиовещание, то за эти 30 лет картина в Советском Союзе была бы другая...

Но для русского народа радиовещание ведется прямо противоположно, чем на Польшу, то есть вы как будто бы нарочно задались целью, чтобы у нас не могло быть такой силы Церкви и такого церковного объединения, как в Польше».

Это был, конечно, чистый бред, унижительный и для православной религии, и для русского народа, которому, оказывается, американское радио мешает вернуться к православию!

Но особенно знаменательна концовка интервью:

«Работа русской секции «Свободы» уже доведена до вырождения, настолько плоха, что если еще продолжать в том же направлении, то лучше ее вообще упразднить» (курсив мой. — В. Б.).

Солженицын, видимо, сказал то, что не решался сказать Максимов!

В какой-то момент я подумал, а не является ли Владимир Максимов Азефом советской охраны? Этот вопрос пришел мне на ум не только в связи с войной Максимова против «Свободы», но и в связи с рядом других его выступлений, о которых речь пойдет дальше.

Но меня сразил Иржи Пеликан, которому я высказал свое подозрение. Он сказал мне: «Если бы так, как Максимов, вел себя кто-нибудь в нашей (чехословацкой) эмиграции, то можно было бы с большой долей вероятности предположить, что он — агент, но в русской эмиграции такое поведение еще ничего не значит!».

Эти слова буквально снесли мой «бугор подозрительности». Уж мне-то лучше Пеликана было известно, на что способен иной российский человек в силу «фирменных» качеств советской интеллигенции — завистливости и злобности. Однако в данном случае «формула» Пеликана не соответствовала действительному положению дел. Будущее это прояснило.

В 1993 году в Москве на третьей конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра» (эти конференции проводятся фондом «Гласность», возглавляемым Сергеем Григорянцем, ветераном диссидентского движения) выступил уже упомянутый генерал Калугин и рассказал, что если главным врагом для КГБ внутри страны был Андрей Сахаров, то за границей главным врагом являлась радиостанция «Свобода». В числе «активных мероприятий» против «Свободы» Калугин упомянул и взрыв 81-го года, и «работу по разжиганию антисемитизма среди сотрудников».

«Поскольку Александр Исаевич Солженицын, — рассказывал генерал, — одно время высказывался как-то не совсем одобрительно о евреях, то эти высказывания легли в основу специальной акции КГБ, которое через своих агентов устраивало такие, скажем, мелкие склоки типа распространения листовок на радио «Свобода», в которых некто во-прошал: когда, наконец, эти жида уедут отсюда и перестанут мешать нам вести настоящую пропаганду на Россию, а не сионистско-жидомасонскую? Все это было делом рук КГБ».¹

Здесь речь явно идет о листовке Гаенко и Карпова «Кто есть кто на «Свободе»» по поводу моей статьи о давлении русских националистов на станцию.

Между прочим, по сообщению российской прессы, с 1985 года к борьбе с «вражеским голосом» «Свободы» подключился и Владимир Путин, когда его командировали работать в ГДР.

Выступление Калугина и ряд других факторов, в том числе, известие, что полковник КГБ Ярослав Карпович был членом руководства НТС, сдернули пелену с моих глаз: я понял, кто стоял за борьбой Максимова и НТС против «свободы».

Конечно, остается какая-то доля вероятности, что Максимов со товарищи воевали против «Свободы» в силу своих моральных качеств, а не причастности к ГБ, но я считаю трусостью отгораживаться этой малой вероятностью от кричащих фактов в страхе, что тебя обвинят в агентомании.

Но почему Буковский и Кузнецов помогали Максиму воевать против «Свободы»? Как, в частности, могли они подписать насквозь лживое письмо Максимова? В России эти люди проявляли героические качества, а в эмиграции? Ответ найти нелегко. Возможно, просто устали и поплыли по течению. К тому же, обладая, на мой взгляд, «приблатненными» чертами характера («Все мы в России немного блатные!» А. Синявский), прибились к Максиму, ви-

¹КГБ вчера, сегодня, завтра: материалы 3 конференции. М., 1993. С.48-49

дя в нем «пахана» с большими связями на Западе, немалыми денежно-валютными ресурсами и престижным журналом в руках.

А Солженицын? Здесь ответ проще. В силу своей запредельной амбициозности он считал недостаточными время и внимание, уделявшиеся его персоне и его произведениям в передачах «Свободы». Отсюда его гнев и солидарность с Максимовым и НТС в их войне с руководством РС. Вспомним только, какой всемирный скандал он учинил президенту США Рейгану за то, что тот посмел пригласить его в Белый дом не одного, а вместе с другими диссидентами!

Что же касается КГБ, то хочу подчеркнуть, что эта «контора» имела огромную власть над эмиграцией, а с тем и влияние на «Свободе», не только благодаря многочисленной агентуре, но и крайнему дальтонизму российских людей ко злу и его носителям. Ведь тот же Максимов с самого его появления в эмиграции и даже до того был виден как на ладони со всеми своими качествами. Но «элита» эмиграции ничего не замечала и поддерживала Максимова, пристраивалась к нему.

Прочтя эту главу, читатель, надеюсь, поймет, как было «приятно» работать на «Свободе». Временами думалось: «Ладно, главное — я могу передавать то, что хочу!». А потом вспоминал: ведь нас же глушат!

Но надо было продолжать работать на станции и ради хлеба насущного! Какую бы я нашел другую работу без хорошего знания западных языков? «Свобода» была для меня в этом смысле капканом. Оставаясь на «Свободе», я был лишен возможности овладеть по-настоящему каким-нибудь иностранным языком. Самое большое, что я мог, это читать английские газеты со словарем. Все время вокруг меня был русский язык, и на работе, и дома. Да еще статьи и книги надо было писать: все надеялся привлечь внимание к своим идеям, ради которых весь огород нагородил.

Но в 1976 году я предпринял все-таки попытку вырваться со «Свободы» — попытался создать себе рабочее место.